
ФИЛОСОФСКАЯ
СКАЗКА-ПРИТЧА
ЭТЕРИЯ
ДЖОН ДАНЕЛИ

Джон Данели
ЭТЕРИЯ

https://litres.ru/74983263
SelfPub; 2026

Аннотация

Тимми умер зимой. В маленькой деревенской избе над его телом рыдает мать, а свеча догорает, отбрасывая последние тени. Но для мальчика всё только начинается.

Он попадает в Этерию — мир парящих островов, биолюминесцентных садов и небесных законов, которые незыблемы уже тысячи лет. Обратного пути для душ нет. Но тоска Тимми по матери оказывается сильнее гравитации небес.

Верховный Совет идет на беспрецедентный шаг: пять смертельных испытаний. Его наставником становится ехидный и ворчливый купидон Робин, а каждое задание проверяет душу на прочность: от распутывания живых узлов терпения до спуска в Ледяную Бездну, где шепчут голоса отчаяния.

Сможет ли обычный деревенский озорник выстоять, не потерять своё сердце и доказать, что истинная любовь сильнее любого закона мироздания?

Светлая, пронзительная философская сказка о жизни, смерти и чуде, которое совершают те, кто не сдаётся. Для читателей, которые верят, что даже самая темная зима заканчивается возвращением домой.

Содержание

Зарождение искры	4
Тревога на границе	6
Нежданный гость	8
Испытание любви и храбрости	10
Заседание Небесного Совета	12
Ваза и вердикт Аэтериона	17
Дорога к дому купидона и первое испытание	23
Распутывание узла	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

ЭТЕРИЯ

Зарождение искры

Над гладью Озера Душ стояла тишина. Её нарушал только шёпот небесных водопадов, уходящих в облака. Храм из белого мрамора купался в закатном золоте Этерии.

На самом краю купели стоял Селестиэль. Его белые крылья были полусложены, а взгляд устремлён в глубину чистой воды. Со дна озера медленно поднимался тёплый золотистый свет.

– Начинается… – тихо произнёс ангел.

Над водой поднялась светящаяся сфера. Она дрожала, как бьётся новорождённое сердце, и в каждом толчке пульсировала энергия, которой ещё не касался земной опыт.

Высоко на балконе храма застыл Аэтерион. Древнее божество смотрело на рождение спокойно и внимательно. Узоры на его доспехах из полупрозрачного мрамора вспыхнули в такт пульсации новой искры.

Селестиэль осторожно протянул ладони. Сфера подплыла к его рукам, доверчиво закружившись в воздухе.

– Добро пожаловать в Этерию, малая искра, – прошептал Селестиэль. – Скоро тебе предстоит выбрать свой путь…

Вдруг на далёком краю острова, где над ущельем стоял архангел-страж, вспыхнул бронзовый сигнальный огонь. На

границе архипелага что-то тревожно мерцало.

Тревога на границе

Селестиэль мгновенно укрыл новорождённую искру крылом. Золотистая сфера затихла, спрятавшись в мягком свечении ангельских перьев.

Аэтерион сошёл с балкона храма. Шагов его не было слышно – лишь пространство вокруг уплотнялось с каждым его движением.

– Каэль, доложи, – сказал Аэтерион негромко, но голос его заполнил весь остров.

На самом краю утёса, у начала светящегося лианного моста, стоял архангел Каэль. Его гигантские крылья были расправлены, а в правой руке светилось эфирное копьё. Тень от его крыльев накрывала весь наблюдательный рубеж Этерии.

– Наблюдаются колебания в нижних туманных слоях, – ответил Каэль, не сводя взгляда с границы. – Кто-то пересёк защитный барьер без разрешения Совета.

Из облаков под мостом появился силуэт. Это была не новая искра и не душа святого. Тёмный, смутный контур медленно поднимался по мосту к Садам Зарождения.

Селестиэль взглянул на Аэтериона:

– Такого не происходило с эпохи Великого Раскола… Что мы делаем?

Аэтерион поднял руку, останавливая Каэля, готового нанести удар копьём.

– Подожди, Каэль. Взгляни на его ауру.

Нежданный гость

Архангел Каэль медленно опустил копьё. Напряжение, которое сковало небесный мост, сменилось состраданием.

Из рассеивающегося облака на мост ступила маленькая, полупрозрачная фигурка. Мальчику было лет восемь. Растрёпанные вихры, лукавый изгиб губ – даже сейчас в нём угадывался прежний озорник. Он разглядывал парящие острова и сияющие водопады и ещё не понимал, где оказался.

Аэтерион коснулся воздуха перед собой. Пространство между ним и ангелами раздвинулось, открыв портал – окно в земной мир.

Там, на Земле, в крошечном сумеречном домике висела тихая скорбь. В бедной комнатке на узкой кроватке лежало маленькое неподвижное тело. На подоконнике справа догорал огарок свечи, и дрожащие тени ложились на бревенчатые стены.

Над телом мальчугана склонилась мать. Лицо её осунулось от усталости и недоедания, а слёзы застыли в выцветших от горя глазах. Она сжимала его холодную ладонь и не верила, что её живой, шумный, смешливый озорник больше не отзовётся на её голос.

Селестиэль взглянул на портал, и его ангельское сердце сжалось.

– Он ушёл слишком рано… – сказал наставник, приседая

перед мальчиком на одно колено. – И его мать осталась одна, в темноте, а в её доме догорает последняя свеча.

Мальчик-душа оглянулся на светящуюся картину прежнего дома. Озорная улыбка угасла, и в чистых глазах блеснули слёзы.

– Мама… – прошептал он, делая шаг назад к краю моста. – Я должен вернуться. Ей без меня нельзя.

Аэтерион молча переглянулся с Селестиэлем и Каэлем. Законы Этерии строго запрещали возврат душ, но этот случай был особенным…

Испытание любви и храбрости

Аэтерион шагнул вперёд. От него исходило мягкое, но непререкаемое величие. Портал медленно затянулся серебристой дымкой.

– Законы небес незыблемы, юная душа, – изрёк Аэтерион, глядя на мальчика. – Никому не дозволено просто так шагнуть назад через порог смерти. Со времён Великого Раскола возврат душ запрещён. Но искренность твоей любви к матери и твоя неукротимая искра открыли редчайшую из троп.

Мальчик сжал кулачки, решительно выпрямив спину:

– Я готов на всё! Только верните меня к ней!

Каэль и Селестиэль переглянулись. Селестиэль мягко пояснил:

– Тебе предстоит Особый Выбор. Ты можешь прямо сейчас войти в Сады Святых и обрести вечный покой и радость. Либо… ты можешь пройти пять испытаний Этерии.

– Что это за испытания? – спросил мальчик, в глазах которого вспыхнул знакомый озорной и отважный огонёк.

– Испытания проверят твою чистую душевную силу, стойкость и способность жертвовать собой ради близких, – ответил Аэтерион. – Если ты выдержишь их все – небеса совершат чудо, и твоя искра вернётся в земное тело на кроватке, вернув матери смысл жить. Но если ты оступишься хотя бы в одном… путь на Землю закроется навсегда, и ты останешься

в Этерии младшим ангелом-учеником и больше никогда не обнимешь свою маму.

Мальчик взглянул на туманный мост, а потом на высших небожителей. Детского страха в его взгляде больше не было, только твёрдая решимость.

– Я согласен, – твёрдо сказал озорник.

Заседание Небесного Совета

Не успело эхо слов мальчика затихнуть, как из-за широкого мраморного вазона со светящимися лилиями выпорхнул маленький купидон. У него были растрёпанные кудряшки, чуть сдвинутый набок колчан и хитрая, ехидная ухмылка.

– Согласен на что? – с иронией прозвенел его тонкий голосок. Купидон подлетел к мальчику, скрестив руки на груди и зависнув прямо перед его носом. – На то, чтобы тебя рассеяло по ветру при первой же ошибке, малой? Ты хоть понимаешь, во что ввязываешься?

Мальчик даже не моргнул. Он смерил купидона упрямым взглядом:

– Согласен на всё, что вы придумаете! Хоть на дракона, хоть на бездну. Лишь бы вернуться к маме!

Купидон удивлённо приподнял бровь и хмыкнул:

– Надо же, какой колючий…

– Тише, Робин, – мягко остановил его Селестиэль, повернувшись к мальчику. – Не спеши. Твоя отвага похвальна, но не мы принимаем окончательное решение. Судьбу душ решает Высший Совет Этерии, а последнее слово всегда остаётся за Верховным Богом – Аэтерионом Первозданным. Ты уже видел его у моста: его имя означает «Негаснущий Свет Мироздания».

Прежде чем предстать перед владыками небес, мальчик –

его звали Тимми – в сопровождении Селестиэля, архангела Каэля и порхающего рядышком ехидного купидона Робина отправился в путь через центральные острова Этерии.

Маленький босоногий мальчик шёл по мосту, сплетённому из живых биолюминесцентных лиан и серебристых нитей света. Под его ногами сквозь прозрачные стебли мягко пульсировал изумрудный свет. Воздух здесь был удивительно чистым и прохладным, напитанным тончайшим ароматом цветущего ночного жасмина, лунного мёда и свежести после первого весеннего дождя.

Тимми затаил дыхание, озираясь по сторонам. Вокруг простирался настоящий рай:

Парящие в небесах острова-сады удерживались в воздухе столбчатыми лучами светящейся энергии. С их изумрудных склонов низвергались водопады из жидкого звёздного света – они падали не вниз, а плавно рассыпались в розово-перламутровые облака миллионами сверкающих брызг. В этих облачных заводях неторопливо скользили гигантские скаты с прозрачными крыльями, излучающими лазурный свет, а над коронами белоснежных деревьев кружили крошечные птицы-факелы, оставляющие в воздухе искрящиеся золотые шлейфы.

Шедший рядом Селестиэль тепло улыбнулся, заметив восторженный взгляд мальчика:

– Это Сады Святых, Тимми. Здесь никогда не бывает холода, боли или голода.

Навстречу им попадались обитатели Этерии, и каждый был занят своим удивительным делом.

На залитых солнцем террасах святые – праведные души людей в белоснежных одеждах – ухаживали за небесными садами. Старичок с добрыми лучистыми глазами поливал из хрустального кувшина удивительные цветы, лепестки которых издавали нежный музыкальный звон от каждого прикосновения ветерка. Чуть дальше группа святых художников писала картины прямо на фрагментах проплывающих облаков, используя кисти из лунного света.

Чуть выше, на ажурных мостиках, молодые ангелы обучали маленькие искры душ – прозрачные биолюминесцентные шарики плавно перекатывались по воздуху, следуя за движениями рук ангелов, словно послушные котята.

А на отдельном островке, похожем на клеверный луг, устроили тренировку купидоны. Они со смехом соревновались в стрельбе из луков по парящим мишеням в форме сердец, а двое из них задорно спорили, распутывая золотую тетиву.

На мгновение сердце Тимми замерло. После его тёмной, холодной избёнки с дырявой крышей и вечным голодом этот мир казался сказкой. Захотелось побежать по мягкой светящейся траве, погладить парящего ската и забыть обо всём…

Но перед глазами снова встало лицо матери у догорающей свечи. Тимми нахмурился и прижал руки к груди. Этерия была невероятной, но без мамы даже этот рай оставался для

него чужим.

Так, шагая по замысловатым подвесным мостам и разглядывая этот чудесный мир, Тимми не заметил, как оказался в Зале Совета – гигантской ротонде под открытым небом. На высоких престолах из полупрозрачного мрамора сидели члены Совета.

Аэтерион, Верховный Бог, сидел в центре. От него исходило золотисто-лазурное свечение, а взгляд был мудрым и древним.

– Рады приветствовать тебя, юная душа по имени Тимми, – произнёс глубокий голос Аэтериона. – Расскажи нам о себе. Мы знаем твои проказы на Земле – как ты крал яблоки в чужих садах и пугал деревенских кур. Но мы видим и то, с какой нежностью ты делился последней коркой хлеба с матерью.

Совет долго расспрашивал Тимми. Чтобы успокоить мальчика, Селестиэль шёпотом объяснил ему, как устроен Совет Этерии:

– Высший Совет Этерии поддерживает гармонию всех миров и распределяет искры душ. У каждого из нас своя роль:

Верховный Бог Аэтерион – держит баланс Вселенной и хранит законы мироздания.

Хранитель Порядка – следит, чтобы в Этерии неукоснительно соблюдались законы.

Архангел Каэль – возглавляет стражу, охраняя границы от хаоса.

Я, Селестиэль, – отвечаю за путь и развитие душ.

А Робин… – ангел улыбнулся, – Робин отвечает за искры любви и симпатии, хотя часто сам создаёт переполох.

В этот момент маленький купидон Робин не выдержал. Он резко взмахнул крыльями, вылетел в центр зала и с самым серьёзным видом обратился к Аэтериону и Совету:

– О Великие и Мудрейшие! Зачем нам устраивать эти сложные, опасные испытания для этого проказника? Вдруг он сломает небесный кристалл? Отдайте его лучше мне в подчинение! – Робин с надеждой всплеснул руками. – Мне как раз положен помощник! Он будет точить мои золотые стрелы, полировать лук от пыли и распутывать тетиву от облачной паутины! А я сделаю из него отличного купидона-подмастерья!

В Зале Совета прозвучали тихие смешки, а Каэль аж хмыкнул в усы.

Ваза и вердикт Аэтериона

Селестиэль мягко вывел Тимми из Зала Совета:

– Подожди нас здесь, Тимми. Совету нужно обсудить твоё прошение наедине.

Мальчик остался в огромном холле. Высокие хрустальные колонны уходили вверх, а вдоль стен стояли напольные вазы из прозрачного кристалла, наполненные светящимся нектаром. Вокруг них кружили сотни стеклянных бабочек, переливающихся на свету.

Внутри Зала Совета разгорелись жаркие споры.

– Это немыслимо! – строгим голосом произнёс Хранитель Порядка. – Со времён Великого Раскола мы не проводили испытаний! Вы помните, чем это закончилось? Сотни душ пытались вернуться, сотни оступались, и Этерия едва не рухнула под тяжестью их отчаяния! Если мы разрешим это сейчас – мы нарушим наши законы, а я, как Хранитель Порядка, не могу этого позволить!

– Но его мотив чист, – заступился Селестиэль. – На Земле его мать угасает от горя. Искренняя любовь мальчика пробила грань миров. Он заслуживает хотя бы шанса!

– Он проказник и сорванец, – хмыкнул архангел Каэль. – Но в его глазах есть огонь и храбрость. Я бы посмотрел, как он проявит себя в испытаниях.

И в самый разгар дебатов из холла раздался звонкий, оглу-

шительный ХРУСТ и грохот разбивающегося хрусталя!

Совет мгновенно умолк. Члены Совета вместе с Аэтерионом выбежали из зала в холл.

Зрелище вышло живописное: посреди холла на полу восседал Тимми. Вокруг него россыпью лежали осколки гигантской хрустальной вазы, а сам мальчик аккуратно держал в руках самый крупный светящийся фрагмент. На его лице смешались испуг, виноватое озорство и крайнее замешательство.

– Что здесь произошло?! – строго спросил архангел Каэль, скрестив руки.

Тимми хлопал глазами, переводя взгляд с осколков на членов Совета, а затем поднял палец к потолку, где хаотично металась стайка напуганных бабочек, и громко заявил:

– Это всё они! Бабочки! Одна из них очень подозрительно махала крыльями, а вторая её толкнула… ну и ваза не устояла!

Совет замер в немом изумлении. Купидон Робин ехидно прикрыл рот крылом, едва сдерживая хохот.

Все вернулись на свои места. Едва Аэтерион занял трон, Робин выпорхнул вперёд и с торжествующей издёвкой заявил:

– Ну вот! Я же говорил! Я же предлагал прикрепить этого сорванца ко мне в подмастерья! Если бы он сразу точил мои стрелы под присмотром, эта прекрасная ваза была бы цела!

Но никто не засмеялся. Хранитель Порядка поднялся со

своего престола – сухой, прямой, с глазами цвета старого льда.

– Это подтверждает всё, что я говорил, – произнёс он, и его голос разнёсся по залу. – Мальчик не прожил в Этерии и часа, а уже учинил разрушение. Если мы допустим его к испытаниям, мы откроем ящик, который не сможем закрыть. Завтра у нашего порога встанут тысячи душ с рассказами о «великой любви» и «несправедливой смерти». Законы незыблемы, Аэтерион. Или мы – Совет, или мы – балаган.

– Он разбил вазу не со зла, – тихо сказал Селестиэль, и в его голосе впервые за долгое время зазвенела сталь. – Из любопытства, из желания потрогать красивое. Это незрелость, а не порок. Но именно незрелость мы и призваны исправлять, разве нет?

– Исправлять – да, – отрезал Хранитель Порядка. – Но не ценой законов.

Каэль тяжело опёрся на копьё и хмыкнул:

– А я бы посмотрел, как он выдержит хотя бы первый урок Робина. – Он бросил взгляд на купидона. – Ты ведь уже придумал ему испытание, проказник?

Робин приосанился:

– Ещё какое!

– Тогда вот моё слово. – Каэль повернулся к Аэтериону. – Не давайте ему поблажек. Испытания должны быть настоящими. Если он оступится – он останется здесь навсегда, как и было обещано. Но если пройдёт… – страж небес помол-

чал, – мы узнаем, что любовь сильнее закона. Разве не это мы хотим проверить?

В зале повисла тишина. Аэтерион медленно перевёл взгляд с Хранителя Порядка на Селестиэля, потом на Каэля и наконец на Тимми. Мальчик стоял со сжатыми кулаками, с пятном от нектара на штанах и осколком вазы в руке. Он не плакал, он смотрел прямо на Верховного Бога.

– Ты понимаешь, что тебя ждёт? – спросил Аэтерион.

– Да, Владыка, – ответил Тимми.

– Ты понимаешь, что если ты оступишься хотя бы раз, то я не смогу отменить своё слово? Ты останешься здесь. Навсегда. И никогда больше не увидишь мать?

Тимми сглотнул. На секунду в его глазах мелькнул страх – настоящий, детский, живой. Но он выпрямился и кивнул:

– Понимаю.

Аэтерион долго смотрел на него, потом поднял руку. В Зале Совета стало совсем тихо.

– Достаточно, – произнёс он. – Я принял решение. Мы не дарим тебе шанс. – Тимми напрягся. – Мы испытаем тебя. И если ты выдержишь – это будет не наша милость, а твоя победа. – Он перевёл взгляд на Робина. – Купидон Робин. Ты будешь его наставником. Ты дашь ему пять испытаний. Каждое из них будет проверять его сердце. Ты будешь придираться к нему, как придирался бы к самому себе. Ты будешь строг. И если он сломается – ты доложишь Совету.

Робин от неожиданности чуть не выронил лук:

– Я? Строг? Да я…

– Ты справишься, – с неожиданной теплотой сказал Аэтерион. – Ты ведь сам когда-то был таким же несносным.

По залу прокатился сдержанный смех. Робин покраснел, но выпрямился и отсалютовал луком.

Аэтерион снова посмотрел на Тимми:

– Ты поступишь в подмастерья к купидону Робину. И ещё одно, Тимми. Когда ты разбил вазу, ты сказал, что виноваты бабочки. Это была ложь?

Тимми опустил глаза. Плечи его поникли.

– …Да, – тихо сказал он. – Виноват я. Я засмотрелся на них и задел вазу. Простите меня.

Хранитель Порядка приподнял бровь. Селестиэль едва заметно улыбнулся.

– Хорошо, что ты признался, – сказал Аэтерион. – Ложь – это то, что может погубить тебя на испытаниях быстрее любого дракона. Запомни это.

Он поднялся, и Зал Совета наполнился золотисто-лазурным светом.

– Испытания начинаются сегодня же. Да помогут тебе небеса, Тимми.

В дальнем конце зала, у колонны, стоял ангел, которого Тимми раньше не замечал. Высокий, худой, в простом сером балахоне. Крылья его были пепельными, будто припорошенными пылью. Смотрел он на Аэтериона и молчал.

– Хранитель Раскола, – шепнул Селестиэль, проследив

взгляд мальчика. – Элион. Он был там, когда закрывали двери. Он помнит.

Тимми хотел спросить, что именно помнит Элион, но в этот момент серый ангел сам сурово посмотрел на него, и мальчику стало не до вопросов.

Дорога к дому купидона и первое испытание

Дорога к жилищу Робина выглядела как спектакль. Купидон летел впереди, жестикулировал, кувыркался в воздухе и с упоением рассказывал, как устроена небесная система:

– Ты только представь, птенец! Это же колоссальный космический конвейер! – Робин развёл руками. – Сначала искры поднимаются из Озера Душ. Затем наставники-ангелы учат их первым чувствам: состраданию, радости, дружбе. А потом… потом они ждут своего часа, чтобы отправиться к новым родителям на Землю!

Тимми, едва успевая за порхающим купидоном, спросил:

– И долго они ждут?

– Ну-у-у, по-разному! – Робин беспечно махнул рукой. – Кому-то везёт, и он отправляется через пару дней. А кто-то ждёт своей очереди в небесном списке сто, двести… а то и триста лет!

Тимми остановился как вкопанный. Его лицо побледнело:

– Столетиями?! Но… но когда я отправлюсь назад, моей мамы уже давно не будет в живых?!

Робин подлетел к мальчику с глумливой ухмылкой, покровительственно похлопал его по плечу и задорно подмигнул:

– «Если», ты хотел сказать? Если ты отправишься назад к своей маме. Да ты не переживай так! Всё равно ты эти испытания не пройдёшь, так что до очереди дело даже не дойдёт!

Тимми стиснул зубы и лишь упрямо сжал кулаки: «Вот увидишь, пройду!»

Робин, заметив, как побледнело его лицо, неожиданно смягчился.

– Да не трясись ты, малой. В очередь тебе вставать не надо. – Он почесал нос. – Твоё тело там, внизу, ждёт тебя. Пока идут испытания, время на Земле стоит, как вода в замёрзшем пруду. Свеча у твоей мамы будет гореть, пока ты не вернёшься. Или пока не оступишься.

– А потом? – спросил Тимми.

– Потом догорит, – просто сказал Робин. – Так что давай без геройства. Ну, то есть… давай именно с геройством.

Так, за ненавязчивой перепалкой, они подошли к дому Робина. Это был уютный, но явно запущенный домик в форме гигантской распустившейся розы, вросшей в хрустальное дерево.

Но едва Робин толкнул ажурную дверь, произошёл грандиозный конфуз! Из мастерской на улицу с шумом вывалилась огромная спутанная в комья гора розовато-золотой тетивы, волшебных перьев и искрящейся пыльцы. Хозяин домика явно давно не наводил порядок.

Робин прокашлялся, спрятал смущение за привычной ухмылкой и объявил:

– Итак, птенец! Чтобы получить мою рекомендацию для Совета, тебе придётся пройти у меня пять уроков труда и духа:

Терпение – научиться укрощать гнев и не торопить время.

Смирение и послушание – усмирить гордыню и научиться слушать старших.

Трудолюбие – доводить любое дело до совершенства через труд.

Забота и милосердие – доказать, что твоё сердце способно согревать других.

Самопожертвование – отдать всего себя ради того, кто в этом нуждается.

Робин с торжествующим видом выудил из горы мусора самый чудовищный, вековой узел розовато-золотой тетивы, который пульсировал и путался ещё сильнее от любого резкого движения.

– Урок первый: ТЕРПЕНИЕ! – Купидон вручил этот искрящийся ком Тимми. – Ты должен распутать этот узел вручную, не порвав ни единой ниточки и не выплеснув ни капли злости. А я пока пойду попью лунного нектара!

Распутывание узла

Первый час работы превратился для Тимми в настоящую пытку.

Волшебная тетива обладала своенравным характером. Едва мальчик пытался дёрнуть нить чуть сильнее, как узел затягивался ещё мертвее, а сама нить вспыхивала болючими искрами, обжигая пальцы. Тимми сопел, ругался про себя самыми отборными деревенскими словечками и с раздражением дёргал золотые петли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.